

*Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 2 (448).
Философские науки. Вып. 59. С. 100—108.*

УДК 001.8
ББК 87.25

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10214

Диалог о возможности существования универсального научного метода

Р. А. Ярцев

Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия

Рассматривается проблема существования универсального научного метода, нормирующего проведение исследований в любой предметной области и выступающего в качестве критерия демаркации научного познания и соответствующего знания. С помощью убедительных контр-аргументов автор пытается разрушить наиболее стойкие предубеждения против самой возможности существования данного метода и вновь привлечь к проблеме внимание специалистов.

Ключевые слова: наука, универсальный метод, экспликация, нормирование, демаркация.

Лейтмотивом наших философских публикаций последнего десятилетия является проблема экспликации и обоснования универсального научного метода как последовательности из четырех этапов: 1) постановка вопроса; 2) выдвижение гипотез; 3) проверка гипотез и синтез ответа; 4) скептическая рефлексия над ответом. Несмотря на то, что по данной проблеме опубликовано более двух десятков статей и монография, защищена диссертация, критический анализ высказанных идей еще не появился. Однако последнее ничуть не мешает появлению целого ряда оппонентов метода, отрицающих его как достоверный научный результат.

Такая предубежденность не удивляет, если принять во внимание следующие обстоятельства: 1) предыдущие попытки обосновать подобный метод не увенчались успехом; 2) большинство современных философов науки утверждает культурно-историческую изменчивость научных норм; 3) отсутствие универсального метода, инвариантного к предметной области исследования, представляется ясным каждому, кто начинает размышлять о проблеме: ведь никто из практикующих ученых не в состоянии указать на такой метод, а исследуемые дисциплины порой настолько от-

личаются своей методологией, что непонятно, как можно искать здесь универсальность.

Столь неблагоприятное положение дел заставляет почувствовать себя средневековым коперниканцем, аргументы которого отклонялись ссылками на авторитет Аристотеля и примитивным эмпиризмом наблюдений за дневным Солнцем. Но история подсказывает также выход из ситуации, если вспомнить, сколько внимания в «Диалоге о двух системах мира» Галилей уделял обоснованию коперниканской системы на наглядных примерах, доступных даже обыкновенному здравому смыслу. Отсюда родилась идея написания диалога, имеющего целью разрушение наиболее стойких предубеждений против самой возможности существования универсального научного метода.

Настоящая статья намеренно не обсуждает этапы данного метода, фокусируя внимание на опровержении лишь тех аргументов, с помощью которых обычно доказывается его невозможность. Диалоговая форма статьи подсказана трудом Галилея и пытается воспроизвести реальность, в которой до сих пор протекали основные дискуссии по проблеме. Позицию автора в диалоге выражает Знайка (З), доказывающий существование метода. Его оппонентом является Многознайка

(М) — ученый иного типа [17, с. 17], систематизатор знаний, критически относящийся к любым непроверенным новациям. Третий участник диалога — Незнайка (Н) — выпускник философского факультета, который готовится в аспирантуру и ищет тему для исследования. Содержание диалога вымышлено, однако развернувшаяся полемика и ее итог отражают реальный опыт обсуждения авторской экспликации метода.

Н: Мы намеревались обсудить проблему существования метода, применимого в любой предметной области науки, который можно было бы назвать универсальным научным методом.

З: Уточню, что этот метод не просто применим он обязателен к применению в каждом научном исследовании для любой предметной области, то есть нормирует проведение научных исследований.

М: Уточните также, что следует понимать под научным исследованием и зачем его нормировать: не должны ли ученые быть полностью свободны в использовании любых методов, приносящих когнитивный успех?

З: Под научным исследованием традиционно понимается совокупность всех целенаправленных действий по получению когнитивного результата в виде конкретного научного знания, выполняемых индивидуальным или коллективным субъектом науки...

Н: Это, как пишут в научных журналах, «принимаемые статьи должны содержать результаты завершенных научных исследований»?

З: Верно. Подчеркну также, что и универсальный метод как когнитивная норма науки применим во всей полноте лишь к законченному исследованию, которое проходит все необходимые этапы. Он также допускает применение других методов, доказавших свою научную достоверность, регламентируя лишь наиболее общие действия, которые охватывают порядок установления конкретной истины, задаваемый каждым таким методом. Но совершенно свободным ученый здесь быть не может, поскольку связан необходимостью обосновывать научную истину.

М: Применим ли этот метод к исследованиям по гуманитарным наукам и, конкретно, философии?

Н: Интересный вопрос! Мне приходилось читать о том, что философия не является наукой, хотя сами авторы почему-то не отказывались от своих научных степеней по философии.

З: Это закономерный вопрос, на который я отвечаю утвердительно. Ведь если универсальный метод является специфической нормой научного

исследования, представляющего собой единицу всей исследовательской деятельности, то он служит критерием демаркации научного познания, а, значит, и получаемого при этом знания. Применение такого критерия в философии будет означать ее разделение на научную и ненаучную. Думаю, что научная философия по своему содержанию будет во многом близка так называемой «аналитической философии», хотя точный ответ даст лишь специальное исследование.

М: Звучит привлекательно, однако нельзя забывать, что история философии свидетельствует о тщетности попыток обнаружить подобный метод. Какие бы великие умы ни утверждали об открытии научного метода, последующий анализ всегда обнаруживал расхождение этих новаций с методологическими нормами в среде ученых. Так, и метод Поппера [7, с. 120], и методология научно-исследовательских программ Лакатоса [3] как нормы науки были опровергнуты полвека назад, нужно лишь поднять эти материалы.

Н: Скорее всего, именно дискуссии тех лет повлияли на негативную позицию многих современных авторов в отношении метода науки. Например, в одной статье [4] существование такого метода отрицается без доказательств, как если бы они были неоспоримы и широко известны. А в одном из учебников говорится о том, что отечественная философия науки рассматривает научное познание как исторически изменчивую когнитивную деятельность [2, с. 106].

М: Это было надежно установлено благодаря работам Куна, Фейерабенда, других известных авторов. Следовательно, отсутствие в науке универсального метода можно считать доказанным. Я не вижу здесь больше никаких перспектив, кроме повторения прежних ошибок.

З: Эта позиция современной философии науки не дает полной картины. Так, в зарубежной философии выделяется направление, занятое поиском кросс-парадигмальных критериев научности [5, с. 115]. Если все когнитивные нормы науки исторически изменчивы, то оно, очевидно, ищет впустую.

М: Существование этого направления еще ни о чем не говорит. Ведь, судя по научной и учебной литературе, оно не пользуется авторитетом в мире, перспективы же его не внушают оптимизма. Я, правда, не отрицаю здесь возможности интересных побочных результатов: алхимия, например, тщетно искала золото, но открыла и кое-что ценное.

Н: Но мы обсуждаем универсальный научный метод. Относительно него в данном направлении были предложены новые идеи?

М: Насколько я знаю, нет. Критерий увеличивающегося правдоподобия научных теорий (У. Ньютон-Смит), например, вообще не является процедурой.

З: Важно, однако, что данное направление существует и всерьез занято установлением внеисторических критериев, применимых в различных исследовательских парадигмах. Ведь ясно, что среди таких критериев можно обнаружить и общенаучный метод.

М: Далеко не факт: может быть, здесь ищут очередной «философский камень»...

З: Конечно. Но скептическая позиция сообщества, на которую Вы ссылаетесь, не является однозначной: есть альтернативные точки зрения, не поддерживающие историческую изменчивость научных норм, что открывает некоторые перспективы установить в будущем универсальный научный метод.

Н: Иначе говоря, позиция сообщества в целом не препятствует такой возможности.

З: И здесь даже можно увидеть прогресс. Ряд отечественных философов, например, признает независимость от влияния различных эпох и культур таких критериев научности, как системность, непротиворечивость, доказательность научного знания ([9, с. 233], [10, с. 5], [14, с. 49]), каждый из которых может иметь отношение к универсальному методу. Даже в трудах критиков метода можно найти указания на необходимость строить гипотезы «в пределах рациональной научной системы» [6, с. 223], отыскание в науке «более фундаментальных интеллектуальных норм» [6, с. 303], существование в ней процедур самокритики и «нормальных» процедур дисциплинарного развития [11, с. 171; 258]. А Фейерабенд, называя научную аргументацию «заклинаниями рационалистского требника» [12, с. 271], фактически признает наличие в науке когнитивных норм и подчинение им большинства ученых.

М: Кстати, о критиках метода: ведь это авторитетнейшие специалисты, выдвинувшие против него простые, наглядные, убедительные даже для здравого смысла аргументы, благодаря которым и нет смысла возвращаться к уже закрытой проблеме, теряя на этом время и силы.

Н: Но Вы допускаете возможность опровержения этих аргументов в новых исследованиях?

М: Лишь формально, потому что они настолько сильны, что доступны не только специалистам, но и всем здравомыслящим людям: не представляю, чем можно опровергнуть то, что очевидно каждому.

З: Я и хочу обсудить эти новые опровергающие аргументы, не менее доступные здравому смыслу.

Надеюсь, что в результате обсуждения проблема научного метода будет признана Вами заслуживающей дальнейшего изучения.

М: Хорошо, но вероятность такого исхода нашей дискуссии очень мала, что даже выводится по индукции: ведь все прежние попытки доказать существование научного метода заканчивались ничем, почему же следует ждать иного от очередной подобной попытки?

Н: Но индуктивные обоснования не являются достоверными [1, с. 228], на чем как раз и основывается доктрина фальсификационизма...

М: Однако фальсификационизм более не является перспективным направлением философии науки.

З: В нашем случае важным является не фальсификационизм, а положение о том, что индуктивный аргумент не дает решающего обоснования, поскольку всегда имеется возможность опровержений. При этом «индуктивный» скептицизм в отношении метода можно попытаться уравновесить подобным же рода оптимизмом, почерпнутым из исторических примеров. Так, коперниканцы в средние века покушались не только на авторитет церкви и таких ученых, как Птолемей и Аристотель, но также на здравый смысл современников, своими глазами наблюдавших оборот Солнца вокруг Земли. И все же они смогли найти убедительные возражения, развившиеся до опровержений, в результате чего здравый смысл одобряет сегодня уже гелиоцентрическую точку зрения.

М: Это избитый пример революционных изменений в науке, являющийся большим исключением в смысле ломки обыденного мировоззрения. Вероятность такого научного успеха, конечно, существует, но необычайно мала. Каков же, однако, другой пример?

З: Он относится к геометрии. Разве Риман, Гаусс или Лобачевский удовлетворились авторитетом Евклида и мнением здравого смысла о том, что через точку на плоскости нельзя провести более одной параллельной прямой? Разве им не удалось, в конечном итоге, построить альтернативную геометрию? Тогда почему в отношении универсального метода науки нельзя действовать подобным же образом, опираясь на ненулевую статистику?

Н: Предлагаю признать, что никакая статистика, демонстрирующая расхождение взглядов, не является доказательством в их поддержку или опровержение, и перейти, наконец, к обсуждению конкретной аргументации.

З: Согласен, но считаю, что инициатива здесь должна принадлежать моему оппоненту. Пусть он предъявит все аргументы критиков метода один

за другим, чтобы я мог оспаривать их новыми результатами, а затем мы сообща обсуждали, доказывается ли в каждом случае возможность существования метода.

М: Принимается. Начнем с того, что никто из ученых не знает, в чем заключается подобный метод [13, с. 25], который не могут сформулировать даже философы науки. Как же тогда он применяется в научной практике?

З: Неявно, как всякое профессиональное мастерство, распространяемое через обучение личным примером. Аналогично и поэтов можно спросить о применяемом ими методе: большинство, уверен, затруднится с ответом или даже скажет, что такого метода нет. Однако неявным образом он известен каждому поэту, когда тот разбивает сочиняемый текст на фрагменты, добываясь их ритмического звучания. Данный метод настолько «очевиден», что его обычно не замечают, хотя он является общепринятой в поэзии нормой. Важно также, что обучение ему происходит не путем изучения предписаний, а на примерах популярных стихотворений. И если филологи научились определять методологическую норму поэзии, то почему к подобному результату не могли бы прийти философы науки?

М: Данная аналогия, однако, неуместна применительно к научному методу, поскольку требование ритма или рифмы — это не метод, а, словами Полани, максима поэтического искусства, недостаточная для передачи самого искусства как метода личного творчества каждого поэта.

Н: Максима это или метод, но я замечаю, что эта норма имеет интересубъективное значение, поскольку принимается сразу всеми поэтами.

З: Верно! Также и любой научный метод, в противоположность взглядам Полани [6, с. 318], понимается учеными как совокупность предписаний, которой каждый придерживается в своей исследовательской практике. Иными словами, всякий метод можно понимать как «сложную максиму», применению которой на практике ничто не препятствует и которая, повторюсь, может быть известна человеку неявно, без рефлексии над своими методологическими убеждениями. Выявление же подобных убеждений и их формулировка в качестве предписаний — задача философов и методологов науки, которых при этом можно сравнить с филологами, описывающими все «ямбы» и «хореи» теории стихосложения.

Н: Но есть ли польза для ученых от решения этой задачи? Признаться, я не вижу особой пользы для поэтов от теории стихосложения: ведь можно о ней ничего не знать, но писать отличные стихи.

М: Вот именно. «Ритмическая» норма поэзии не помогает сочинять хорошие стихи, поэтому не является поэтическим методом. Аналогично и от научного метода должно рождаться ценное новое знание, иначе ученый просто следует некоторой максиме. Следовательно, данный метод нельзя обнаружить среди кросс-парадигмальных критериев научности.

З: Когнитивная полезность не поможет демаркации «сложных», «методологических» максимум от «простых» и «бесполезных». Ведь адекватная исследовательская максима любой сложности, недостаточна, но полезна для конечного результата, который достигается благодаря конкретным действиям ученого по реализации ее предписаний. Обратимся опять к нашей аналогии. Так, поэтический метод включает два предписания, «разбивать текст на фрагменты» и «добиваться их ритмического звучания», которые полезны для будущего стихотворения и поэтому должны быть исполнены сочинителем. Теперь возьмем сочиняющую стихи компьютерную программу, алгоритм которой является уже гораздо более «сложной» максимой с иерархической структурой, но и он требует ввод пользовательских данных о тематике стихотворения, размерности и т. п. На каком же основании можно требовать для поэтического метода названия максимы, а для максимы программного алгоритма — названия метода?

М: На том основании, что поэтическая программа гораздо полезнее для сочинительства, чем «ритмическая норма», поскольку может помочь даже начинающему поэту.

З: Значит, Вы не отрицаете полезность «ритмической нормы», говоря лишь о меньшей степени этой полезности. Это уже прогресс, потому что данная норма только кажется бесполезной поэту, который безоговорочно ее принял и применяет, как навык. Но можно ли считать даже малополезным основное требование, от которого зависит поэтический характер литературного произведения? Не менее полезной и универсальной должна быть также норма, которая является критерием научности любого исследования. Поэтому каждую из этих норм нельзя противопоставлять по полезности другим, уточняющим предписаниям, без нее не имеющим силы ни в поэзии, ни в науке. Отсюда мы и вправе говорить о ней, как о методе.

Н: Однако разве в философии науки не принято считать, что научные методы являются авторскими? Например, Тулмин пишет о том, что наука дифференцируется на автономные «рациональные предприятия», осуществляющие генерацию и отбор научного знания [11, с. 107]. Но как

тогда быть с авторством научного метода? Кто его придумал и обучил первых учеников? И почему этот метод распространился повсюду в качестве нормы, не встретив препятствий?

З: Хорошие вопросы, и ответы на них также можно искать с помощью аналогий. Например, история не сохранила имени первого поэта, имен изобретателя колеса, автора ориентирования по Полярной звезде и других гениальных новаторов. Тем не менее, эти новации успешно распространились среди всех народов, несмотря на культурные различия. Можно предположить, что простота и доступность этих идей не исключают принадлежности их авторства разным людям. А высокое прикладное значение объясняет большой интерес к ним и скорость беспрепятственного распространения. Не исключено, что к таким же новациям может быть отнесен и универсальный научный метод.

М: Хорошо, допустим, что он существует. Однако Вы ошибаетесь, полагая поэтический метод «ритмической нормой»: это, скорее, «ритмическое правило», которое строго не соблюдается. Так, к поэзии принято относить белый стих и верлибр: если для первого отсутствует рифма, но хотя бы имеется постоянный размер, то для второго нет даже этого ограничения. Аналогично и научный метод может не быть когнитивной нормой науки.

З: На мой взгляд, в указанных Вами случаях происходит расширение термина «стих» на промежуточные литературные формы между поэзией и прозой. Так, если просто разбить предложение на фрагменты, то получится верлибр, а если еще добиться их единого размера, то — белый стих. И то, и другое будет «недопоэзией» в классическом смысле слова. А нарушение отдельных норм науки приводит к появлению таких смежных сфер, как «паранаука» или религиозная теология, представители которых, однако, настаивают на научности своих занятий.

Н: Так, по-вашему, ни поэзию, ни науку не следует трактовать расширенно?

З: Если их рассматривать лишь как формы объединения творческих практик, демаркация которых имеет второстепенное значение, то такая трактовка, на мой взгляд, еще допустима. Но если для нас это сами творческие практики, по содержанию которых нет разногласий ни между создателями, ни между потребителями производимого продукта, то к ним нужно применять строгое нормирование, и на Ваш вопрос следует отвечать утвердительно.

М: Содержание этих практик как раз и вызывает возражения специалистов.

З: Я имею в виду лишь содержание, не вызы-

вающее возражений: ведь и адепты верлибра не станут отрицать, что творчество Пушкина — это поэзия.

М: Ладно, пусть для традиционного понимания некоторых практик их целесообразно нормировать. Но пойдём дальше: Ваш скепсис относительно отрицания научного метода легко развернуть и в обратную сторону. Ведь данный метод также не обладает абсолютной достоверностью. Почему же он может с уверенностью приниматься в качестве общенаучной нормы?

З: В качестве нормы непосредственно обсуждается не сам метод, являющийся неявным знанием ученых, а его конкретная экспликация, претендующая на адекватное описание метода. Ни одна такая экспликация, действительно, не застрахована от пересмотра. Более того, при ее обосновании возникает «проблема круга», поскольку научное рассмотрение проблемы метода требует опоры на неявное знание о самом методе. Однако все это не исключает получения экспликации, долгое время выдерживающей критические проверки и обладающей практической ценностью. Так, презумпция невиновности действует в праве уже много лет, хотя гипотетически возможность ее опровержения всегда имеется. Почему же для философии науки должен быть закрыт путь к эксплицированию подобных норм?

Н: Ввиду столь убедительной аналогии сложно не согласиться с такой перспективой.

М: От этого сама перспектива не становится менее призрачной. Потому что ни один научный метод не может охватить бесконечного разнообразия объектов мира, для познания которых нужны порой уникальные методы. Также и предписания любого метода недостаточны для передачи личностного мастерства [6, с. 58], что обесмысливает необходимость его экспликации.

З: Сам научный метод, конечно, не содержит сведений об особенностях объектов мира, но не исключает привлечение к исследованию методов частных наук, образуя основу их применения. Аналогично и поэтический метод не препятствует сочинительству в каком-то конкретном ритме, а процедура слушания судебных дел допускает методы любых необходимых экспертиз, обеспечивая в то же время правовой характер выносимых решений. Таким образом, пусть наш метод недостаточен для познания мира, но в этом нет никакого препятствия для науки, а лишь гарантия научности нового знания.

Н: Если аналогия с судебной процедурой верна, то понятна необходимость экспликации данного метода: это позволит осознанно контролировать научный характер всякого исследования.

М: Еще бы доказать, что она, на самом деле, верна. И как быть с аргументами недостаточности экспликации метода?

З: Любая аналогия верна лишь отчасти: ее границы устанавливаются специальным исследованием. Наша же аналогия важна уже тем, что показывает возможность нормирования любого исследования при помощи универсального метода. А практическая реализация предписаний метода может обходиться без их полного соответствия опыту автора. Ведь сознание человека, изучающего эти предписания, также не является «чистой доской», а уже содержит свое личностное знание, которого часто достаточно для их реализации. Так, покупателю сборной мебели обычно хватает инструкции по сборке, чтобы справиться с новой задачей.

М: Из недостаточности экспликации научного метода, однако, следует, что научный характер исследования можно утверждать лишь приблизительно.

З: Действительно, суждения о научности исследования могут расходиться между собой подобно тому, как расходятся во многих вопросах различные законодательства или не совпадают решения по делу, выносимые различными судами. Но личностный характер знания не исключает и претензий на объективность, если оно выражает общее мнение по вопросу. Например, можно сойтись во взглядах как на предвзятость решения в судебном деле, так и на нарушение научных норм в исследовании. Хотя гарантий объективности знания, конечно, не существует.

М: Разве личностное знание может претендовать на объективность? По Полани, не следует даже пытаться представлять знание обезличенным [6, с. 242; 263; 274].

З: Нельзя устранить зависимость личностных представлений от субъекта, но можно абстрагировать от различий в представлениях людей о некотором объекте. Например, при передаче знания между ними: если знание учеников порождается знанием учителя, то объяснение может состоять лишь в успешной объективации исходного знания, приобретающего межличностное значение. Уже само наличие языков реализует естественное стремление людей к объективности знаний. Отсюда и научный метод, несмотря на личностный характер его понимания и применения отдельными учеными, становится набором формально обезличенных предписаний, нормирующих когнитивную деятельность всей научной среды.

Н: Но у Полани, кажется, есть аргументы, указывающие на противоречие формальных методов научному творчеству...

М: Конечно. Он, например, считает, что всякая формальная процедура характеризуется обратимостью, т.е. после исполнения имеется возможность ее обратного восстановления до начала. Отсюда следует, что универсальный метод науки противоречит творческому характеру любого научного открытия, являющегося необратимым, поскольку от ученого здесь требуется иррациональное «озарение» [6, с. 180].

З: Любой научный метод как набор предписаний в конкретном применении должен дополняться личностным знанием исследователя. Для частных методов, ведущих к шаблонному решению задачи, это обычно не является проблемой, но для универсального метода от субъекта познания здесь обязательно требуется творческий «скачок». Творчество может даже явно предписываться методом, например, как «выдвижение гипотезы», поскольку подобные когнитивные действия анализируются лишь применением необязательных эвристик.

М: Полани также призывает к отказу от научной беспристрастности, иначе ученый не в состоянии творить [6, с. 18; 105]. Правомерность его призыва подтверждается, очевидно, историей многих научных открытий. Но как это согласуется с универсальным методом, применение которого требует от ученого «судейской» беспристрастности?

З: Судья, замечу, не единственный участник судебного процесса. Например, в гражданском праве там еще действуют истец, ответчик, их адвокаты, свидетели и эксперты, мотивация которых имеет различное значение. Если страсть истца, желающего выиграть дело, является главной движущей силой процесса, то адвокаты, занятые аналитикой, уже обязаны сохранять «трезвую голову», а судья в своем решении должен быть еще менее пристрастным. Однако в науке исследовательские функции часто выполняет один человек, от которого на разных этапах исследования требуются свои, иногда даже плохо сочетаемые «эпистемические добродетели»: стремление к истине, фантазия в генерации гипотез, критичность и аналитика в ходе их проверки, бесстрашие при вынесении решения и скепсис, допускающий его пересмотр. Тем не менее, примеры выдающихся ученых показывают, что эти свойства все же могут, так или иначе, ужиться в одном человеке.

Н: А не вредит ли научному творчеству внеисторический, культурно инвариантный характер метода? Не превращается ли при этом метод в защищенный от критики стандарт «закрытой рациональности» [15, с. 50]? Некоторые утверждают,

что такой консерватизм губителен для альтернативных исследовательских программ, отвергаемых даже без опровержения [13, с. 198].

З: А вредит ли поэтическому творчеству инвариантный характер «метода рифмования»? Нет, он же не препятствует сочинению белых стихов, верлибров, прозы. Гипотетически он мог бы «навредить» лишь правильной демаркации между поэзией и прозой, но опровержений здесь пока не находится. В случае предлагаемого научного метода, правда, требуется специальная дискуссия. Однако скептицизм относительно метода, предписываемый самим методом, способен превратить его в стандарт «открытой рефлексивной» рациональности.

М: У меня остался еще вопрос. Ранее известные подобные методы, рассчитывавшие на универсальность, оказывались неадекватны реальному развитию науки, а устанавливаемые ими границы между наукой и прочими когнитивными практиками выглядели для реального научного познания своего рода «прокрустовым ложем», представлявшим историю науки либо иррациональной, либо искаженной до неузнаваемости [8, с. 7]. Не обладает ли этим недостатком также Ваш вариант метода?

З: Этот аргумент действует лишь в отношении когнитивных стандартов, нормирующих развитие науки в целом — таких, как методология Лакатоса. Однако наш метод описывает науку в когнитивном аспекте, нормируя лишь процесс поиска и установления истины. А некогнитивный ценностный отбор знаний в профессиональной науке строгому нормированию не подлежит: его границы лишь приблизительно устанавливаются с помощью таких критериев, как «актуальность», «новизна», «практическая ценность». Поэтому данный метод, не являясь достаточным условием научного профессионализма, не позволяет также осуществлять рациональную реконструкцию известной нам науки. Как и поэтический метод, который не поможет определить, чьи стихи обладают художественной ценностью и добьются признания у читателей.

Н: Но тогда по аналогии с «любительской» поэзией возможна и «любительская» наука?

З: Да, как наука, удовлетворяющая когнитивным нормам научного познания, но не признанная научным сообществом, которую чаще всего и относят к «паранауке». Однако подведем итоги нашей дискуссии. Что вы скажете о проблеме метода теперь, в свете данных мной разъяснений?

М: Казалось бы, прозвучало достаточно, чтобы вызвать сомнение специалистов насчет невозможности существования научного метода и до некоторой степени оправдать исследования, возвращающие к старой, более не популярной проблеме. Однако наш сегодняшний разговор является лишь предварительной экспертизой и не дает права заявлять о состоявшемся научном открытии. Вы находитесь лишь в начале сомнительного пути, который должен получить признание научного сообщества в виде солидных монографий, публикаций в ведущих журналах, выигранных грантов, прежде чем у Вас появится моральное право пропагандировать свои исследования, вовлекая в них нашу научную смену.

Н: А я в ходе нашего разговора осознал необходимость возвращения к данной проблеме, которая выдвигается сегодня на «передний край» науки [14, с. 19], пусть даже нельзя предсказать результат ее нового рассмотрения. Но настоящая наука, по-моему, всегда связана с риском, в чем и заключается романтика научного поиска. К тому же, это такая интересная проблема...

М: Вас же, молодой человек, я должен предупредить, что нужно сначала защититься, а уже потом пускаться в исследовательские авантюры.

Н (вздыхая): Это верно (про себя: надо посоветоваться с Кнопочкой!).

З: Благодарю вас, коллеги. На большее я, конечно, и не рассчитывал, но надеюсь, что когда-нибудь мы еще продолжим наше обсуждение.

Заключение. С одной стороны, аргументация Знайки не встречает опровержения со стороны оппонента, что свидетельствует о возможности существования универсального научного метода. Однако прав и оппонент: утверждать это существование преждевременно, поскольку ни критическая сторона еще достойным образом не проявила своих возможностей, ни рассмотренных аргументов не достаточно для доказательства реальности данного метода. Тем не менее, необходимость возврата к обсуждению проблемы «по вновь открывшимся обстоятельствам» видится обоснованной, что и предлагается осознать широкому кругу специалистов.

Кроме того, обращаем внимание на ряд наших работ, где обосновывается конкретная экспликация научного метода, изложенная во введении [16, 18—20]. При этом в работах до 2016 года последний этап метода, не меняя своего содержания, формулировался иначе, что объясняется либо ранней редакцией, либо правкой статьи [19] опубликованным журналом.

Список литературы

1. Ивин, А. А. Современная философия науки / А. А. Ивин. М. : Высш. шк., 2005. 592 с.
2. Казарян, В. П. Философия науки. Ч. 2 / В. П. Казарян. М. : Изд. отдел факультета ВМиК МГУ, 2005. 208 с.
3. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос // Т. Кун Структура научных революций. М. : АСТ, 2003. С. 269—453.
4. Лебедев, С. А. Существует ли универсальный научный метод? / С. А. Лебедев, К. С. Лебедев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 56—72.
5. Мамчур, Е. А. Образы науки в современной культуре / Е. А. Мамчур. М. : КАНОН+, 2008. 400 с.
6. Полани, М. Личностное знание / М. Полани. М. : Прогресс, 1985. 344 с.
7. Поппер, К. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Поппер. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
8. Порус, В. Н. Рациональность, наука, культура / В. Н. Порус. М. : Ун-т Рос. акад. образования. Кафедра философии, 2002. 352 с.
9. Степин, В. С. История и философия науки / В. С. Степин. М. : Трикта, 2011. 423 с.
10. Султанова, Л. Б. Философия и методология науки / Л. Б. Султанова. Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. 176 с.
11. Тулмин, С. Человеческое понимание / С. Тулмин. М. : Прогресс, 1984. 328 с.
12. Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе / П. Фейерабенд. М. : АСТ : АСТ Москва, 2010. 378 с.
13. Фейерабенд, П. Против метода: очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд. М. : АСТ, 2007. 413 с.
14. Философия науки и техники : учеб. пособие / В. Г. Базалин [и др.]. М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2003. 220 с.
15. Швырев, В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность / В. С. Швырев. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
16. Ярцев, Р. А. Дуализм здравого смысла как основа научной рациональности / Р. А. Ярцев // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 3—4. С. 56—65.
17. Ярцев, Р. А. За журавлем или синицей (к типологии ученых) / Р. А. Ярцев // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 4. С. 16—34.
18. Ярцев, Р. А. Метод науки / Р. А. Ярцев. — Beau Bassin : LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2018. 205 с.
19. Ярцев, Р. А. О ранжировании научного знания на основе рационального скептицизма / Р. А. Ярцев // Философия науки. 2013. № 2 (57). С. 48—60.
20. Ярцев, Р. А. Рациональность в структуре науки / Р. А. Ярцев // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 4. С. 71—76.

Сведения об авторе

Рустэм Альбертович Ярцев — доктор философских наук, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры автоматизированных систем управления Уфимского государственного авиационного технического университета (УГАТУ), Уфа, Россия. rust-66@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).

Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 100—108.

Dialogue on the possible existence of universal scientific method

R.A. Yartsev

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia. rust-66@yandex.ru

The article examines the problem of the existence of a universal scientific method that normalizes research in any subject area and acts as a demarcation criterion of scientific cognition and related knowledge. One of the most important obstacles to a successful solution of the problem is the prejudice of the scientific community against the existence of this method, based both on professional argumentation and on common sense ideas. Therefore, the counter criticism, proving the possible existence of a universal method in science, is built with the use of illustrative examples. The analogy with the method of rhyming poetic texts suggests that the universal scientific method can

represent the implicit personal knowledge of scientists. From the analogy with the established lawsuit procedure, it follows that this method can exist as the most general procedure, allowing the involvement of private methods in scientific research and leaving a freedom to creativity. With the help of convincing counterarguments, the author tries to destroy the most persistent prejudices against the very possibility of the existence of this method and again draw the attention of specialists to the problem.

Keywords: *science, universal method, explication, normalization, demarcation.*

References

1. Ivin A.A. *Sovremennaya filosofiya nauki* [Modern philosophy of science]. Moscow, Higher School Publ., 2005. 592 p. (In Russ.).
2. Kazaryan A.A. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science]. Vol. 2. Moscow, Moscow State University Publ., 2005. 208 p. (In Russ.).
3. Lakatos I. Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm [Falsification and the methodology of scientific research programmes] // T. Kuhn. *Struktura nauchnykh revolyutsij* [The structure of scientific revolutions]. Moscow, AST Publ., 2003. Pp. 269—453. (In Russ.).
4. Lebedev S.A., Lebedev K.S. *Sushhestvuet li universal'nyj nauchnyj metod?* [Does the universal scientific method exist?]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [Herald of Tver State University. Philosophy], 2015, no. 2, pp. 56—72. (In Russ.).
5. Mamchur E.A. *Obrazy nauki v sovremennoj kul'ture* [Images of science in modern culture]. Moscow, KANON+ Publ., 2008. 400 p. (In Russ.).
6. Polanyi M. *Lichnostnoye znanie* [Personal Knowledge]. Moscow, Progress Publ., 1985. 344 p. (In Russ.).
7. Popper K. *Ob'ektivnoe znanie. Evolyutsionnyj podkhod* [Objective knowledge. An evolutionary approach]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 384 p. (In Russ.).
8. Porus V.N. *Ratsional'nost', nauka, kul'tura* [Rationality, science, culture]. Moscow, Russian Education Academy University Publ., 2002. 352 p. (In Russ.).
9. Stepin V.S. *Istoriya i filosofiya nauki* [History and philosophy of science]. Moscow, Triksta Publ., 2011. 423 p. (In Russ.).
10. Sultanova L.B. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and methodology of science]. Ufa, BSU Publ., 2014. 176 p. (In Russ.).
11. Toulmin S. *Chelovecheskoe ponimanie* [Human Understanding]. Moscow, Progress Publ., 1984. 328 p. (In Russ.).
12. Feyerabend P. *Nauka v svobodnom obshhestve* [Science in a free society]. Moscow, AST Publ., 2010. 378 p. (In Russ.).
13. Feyerabend P. *Protiv metoda: ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against method: an essay on the anarchist theory of knowledge]. Moscow, AST Publ., 2007. 413 p. (In Russ.).
14. Bazalin V.G. et al. *Filosofiya nauki i tekhniki: ucheb. Posobie* [Philosophy of science and technology: tutorial]. Moscow, MSTU n.a. N.E.Bauman Publ., 2003. 220 p. (In Russ.).
15. Shvyrev V.S. *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury. Traditsiya i sovremennost'* [Rationality as a cultural value. Tradition and modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003. 176 p. (In Russ.).
16. Yartsev R.A. Dualizm zdravogo smysla kak osnova nauchnoj racional'nosti [Dualism of common sense as the basis of scientific rationality]. *Aspirantskij Vestnik Povolzh'ya* [Post-graduate herald of the Volga region], 2015, no. 3—4, pp. 56—65. (In Russ.).
17. Yartsev R.A. Za zhuravlem ili sinitsej (k tipologii uchennykh) [For the crane or tit (to the typology of scientists)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2019, no. 4, pp. 16—24. (In Russ.).
18. Yartsev R.A. *Metod nauki* [Method of science]. Beau Bassin, LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2018. 205 p. (In Russ.).
19. Yartsev R.A. O ranzhirovanii nauchnogo znaniya na osnove ratsional'nogo skeptitsizma [On ranking of scientific knowledge on the basis of rational skepticism]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science], 2013, no. 2, pp. 48—60. (In Russ.).
20. Yartsev R.A. Ratsional'nost' v strukture nauki [Rationality in the structure of science]. *Uchenye zapiski Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scholarly notes of Transbaikal State University], 2015, no. 4, pp. 71—76. (In Russ.).